

М.А. Фельдман

*д.ист.н., профессор, Уральский институт управления — филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Екатеринбург)*

СЕКРЕТНОЕ СОВЕЩАНИЕ В ЦК ВКП(б) 22–23 ИЮНЯ 1931 г. — ПОИСК НОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КУРСА

Аннотация. В статье рассматривается одно из наиболее важных, поворотных событий начала 1930-х гг. — Совещание хозяйственников ВСНХ и Наркомата снабжения в ЦК ВКП(б) по обмену мнениями между руководителями хозяйственных объединений ВСНХ и Наркомснаба (22–23 июня 1931 г.). Смысловая нагрузка Совещания хозяйственников была связана с высокой степенью секретности самого события. Его материалы не были опубликованы: о нём в июне 1931 г. не сообщала ни главная газета страны — печатный орган ВКП(б) газета «Правда», ни какие-либо иные газеты. Завеса полной, многолетней секретности над Совещанием объяснялась тем, что представленная в выступлениях управленцев картина состояния экономики разрушала пропагандистские клише о ходе первой пятилетки. Не менее важно было и то, что материалы Совещания подтверждали правоту доводов хозяйственников, правоту курса на соблюдение рациональных принципов регулирования экономики. В определённой степени это было возвращение к опыту нэпа, к опыту наработок первоначальных вариантов первого пятилетнего плана. Именно с Совещания 22–23 июня 1931 г. следует отсчитывать реальное начало периода более рационального социально-экономического курса, получившего название «миниреформ», тогда как итоги Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 г. и Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности были только предпосылками к этому.

Ключевые слова: *совещание июня 1931 г., хозяйственники, ЦК ВКП(б), экономика, специалисты, рабочие, хозрасчёт.*

JEL: B24, N44

УДК: 338(091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_197_214

© М.А. Фельдман, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Фельдман М.А. Секретное Совещание в ЦК ВКП (б) 22–23 июня 1931 г. — поиск нового экономического курса // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 197–214. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_197_214.*

FOR CITATION: *Feldman M. Secret Meeting in the Central Committee of the CPSU (b) on June 22–23, 1931 — Search the New Economic Course // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 197–214. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_197_214.*

Введение

Длинное и замысловатое название документа — «Совещание хозяйственников ВСНХ и Наркомата снабжения в ЦК ВКП(б) по обмену мнениями между руководителями хозяйственных объединений ВСНХ и Наркомснаба с репликами т. Сталина, выступлениями Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышева, В.М. Молотова от 22–23 июня 1931 г.» (далее — *Совещание*) — возникло не случайно.

Смысловая нагрузка документа была связана, во-первых, с высокой степенью секретности самого события. Материалы Совещания не были опубликованы. Более того — о нём в июне 1931 г. не сообщала ни главная газета страны — печатный орган ВКП(б) газета «Правда», ни какие-либо иные газеты. Только 5 июля в «Правде» был опубликован текст выступления И.В. Сталина на Совещании. Во-вторых, в отличие от широко освещавшейся Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, состоявшейся в Москве с 30 января по 4 февраля 1931 г., в данном случае прослеживается стремление Сталина снизить планку формата Совещания: *приглашённые* в ЦК ВКП(б) руководители хозяйственных объединений ВСНХ и Наркомснаба, директора крупнейших промышленных предприятий и строек должны были только *обменяться мнениями* по предложенной сверху повестке.

В-третьих, вместо стенографического отчёта о работе Совещания, в историческую литературу и в общественное сознание советского времени, упомянутое событие вошло только в связи с речью Сталина, получившей в газетном варианте название — «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства»¹. Показательно, что передовые статьи газеты «Правда» за 25 и 27 июня 1931 г. содержали ряд тезисов сталинского выступления, но без указания авторства.

Традиционные оценки событий не исчезают сами по себе, и в содержательной монографии 2013 г. американского историка Р. Такера «Сталин-диктатор. У власти. 1928–1941 гг.» краткое сообщение о Совещании практически полностью посвящено речи Сталина. По мнению исследователя, Сталин выступил как инициатор нового, более рационального экономического курса на основе «шести условий т. Сталина» [Такер, 2013. С. 140–141].

Но, чем же тогда был вызван столь плотный слой туманной завесы секретности вокруг Совещания хозяйственников 22–23 июня 1931 г.?

Первый шаг в ответе на этот вопрос был сделан О.В. Хлевнюком в 2010 г., отметившим, что от Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, июньское Совещание «отличалось гораздо большей откровенностью и радикальностью выводов. Видимо поэтому Политбюро приняло специальное постановление не печатать стенограмму совещания. Опубликованы были лишь несколько до неузнаваемости переработанных докладов руководителей государства». По мнению автора, основными выразителями «нового курса» являлись Орджоникидзе и Сталин, а также «другие выступавшие» [Хлевнюк, 2010. С. 116–117].

Более расширенный вариант толкования Совещания дал британский историк Р. Дэвис, отметивший, что «основные докладчики довольно откровенно признали, что промышленные планы на 1931 г. до сих пор не выполнены. Но они также настаивали на том, что план 1931 г. всё ещё остаётся полностью реалистичным». Совещание «закрепило последние тенденции в экономической политике, но они оставались неоднозначными и противоречивыми». Однако и у Дэвиса, раздел, посвящённый работе Совещания, назван вполне определённо: «Сталинские условия индустриального развития» [Davies, 1996. Pp. 65, 67]. Невыясненными остались «неоднозначность и противоречивость» «последних тенденций в экономической политике».

¹ Правда. 1931. 5 июля. С.1.

Краткий обзор немногочисленных отрывков из монографий, затрагивавших работу Совещания, позволяет сформулировать круг невыясненных проблем.

1. Почему материалы Совещания не были опубликованы за все годы советской истории?
2. Какова была роль представителей хозяйственной элиты на Совещании?
3. Почему выступления на Совещании руководителей партии были в печатном варианте до неузнаваемости переработаны?
4. Как связаны Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности (30 января – 4 февраля 1931 г.) и Совещание?
5. Какова действительная роль советских лидеров в выработке «нового курса».
6. Каков был реальный характер взаимоотношений представителей политической и хозяйственной элит в авторитарном государстве на примере событий первого полугодия 1931 г.?

Прелюдия

Понимание происходящего вокруг Совещания и хода его работы возможно только в общем контексте событий декабря 1930 г. — июня 1931 г. в единой взаимосвязи трёх событий: Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (17–21 декабря 1930 г.) (далее — *Пленум*)²; Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (30 января — 4 февраля 1931 г.; далее — *Конференция*), собравшей представителей ВСНХ и директорского корпуса, ВЦСПС и руководителей ряда отраслевых профсоюзов, ряда управленцев из государственных и партийных структур [*Первая...*, 1931], а также Совещания 22–23 июня 1931 г.³.

На основе ряда Постановлений ЦК ВКП(б) и СНК лета 1929 г., резолюций Пленума ЦК ВКП(б) ноября 1929 г. произошло очередное существенное увеличение капиталовложений в промышленность — в 1930 г. на дополнительные, сверхплановые 57, а в 1931 г. — на 80% [*XVI съезд...*, 1935. Т. 1. С. 840–841]. Подобное увеличение, *не подтверждённое материально-техническими ресурсами*, несло значительный риск и потрясения для советской экономики [*Davies*, 1989. P. 489]. Масштаб кризисных явлений, вызванный «Великим переломом» [*Великий...*, 2020] в период осени 1929 г. — 1930 г., поставил страну на грань экономической, финансовой и социальной катастрофы. Огромные капитальные вложения в тяжёлую промышленность, сделанные в 1929–1930 гг., в значительной мере оказались заморожены в незавершённых стройках. Непомерное увеличение капитальных вложений в тяжёлую промышленность, игнорирование экономических рычагов управления и массовые репрессии против специалистов, вызвавшие волну «спецедействия», падение дисциплины на производстве ввергли советскую промышленность в глубокий кризис [*Хлевнюк*, 2010. С. 85–86].

Понимание опасности было зафиксировано прежде всего руководителями экономического блока и в наиболее аргументированной форме отражено в Записке Председателя ВСНХ СССР Г.К. Орджоникидзе от 9 декабря 1930 г., представленной в Политбюро ЦК ВКП(б) за неделю до Пленума⁴. Это был далеко не единичный сигнал, отражавший негативные тенденции в развитии советской экономики во 2-м полугодии 1930 г. и, как следствие, нарастание тревожных настроений в советском руководстве [*Davies*, 1989. Pp. 111, 118, 209].

Наш анализ архивных материалов Пленума показывает: совокупность критических замечаний (реже в докладах, чаще в выступлениях прениях) создавала поразительную

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 460.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 28. Д. 7, 8.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Ф. 558. Оп. 11. Д. 145. Л. 43–52.

картину состояния экономики СССР осени 1929 г. — 1930 г.: строительство промышленных комбинатов и индустриальных узлов при отсутствии должного уровня механизации и необходимого числа специалистов и квалифицированных рабочих; масштабный разрыв между строительством новых предприятий и оснащением их оборудованием в качестве характерной черты второго года пятилетки; разрыв как в планировании, так и в самой реконструкции отраслей промышленности и транспорта; отсутствие сбалансированной финансовой системы, даже в условиях обширной эмиссии денежных средств; непродуманный переход от «коммерческого кредита к плановому»; высокая текучесть рабочих кадров в промышленности и в строительстве.

Характерно, что в большинстве выступлений тема «вредительства» специалистов ушла на второй план. Ставка на стандартизацию речей участников Пленума не увенчалась успехом: критике подверглись практически все составляющие «Великого перелома».

Ключевым моментом на Пленуме стало предложение Орджоникидзе максимально сконцентрировать финансовые и материально-технические средства на строительстве ограниченного круга ведущих промышленных объектов⁵. Фактически Орджоникидзе сообщил всем участникам Пленума содержание своей Записки в Политбюро от 9 декабря 1930 г. Работа Пленума стала предпосылкой перехода к более умеренному курсу 1931–1936 гг.

Однако куда сложнее было отказаться от волюнтаристской идеологии. Так, в докладе заместителя председателя СНК и СТО СССР, председателя Госплана и члена Политбюро В.В. Куйбышева «О народно-хозяйственном плане на 1931 г. (контрольные цифры)» предполагались фантастически быстрые темпы роста промышленности в 1931 г. (прирост выпуска продукции на 45, вместо 25% в 1930 г.)⁶.

Очевидна двойственность решений Пленума: понимание Сталиным и его окружением ошибочности отказа от роли товарно-денежных отношений, игнорирования хозрасчёта, осознание невозможности развития экономики без использования опыта специалистов, низкая эффективность «ударных методов труда» [Фельдман, 2023], соседствующая с продолжением расширения сферы командно-административных методов управления, курсом на «бешеные» темпы роста в 1931 г. — «решающем году пятилетки». Это свидетельствует о весьма частичном признании провала левацкого эксперимента в экономике — «Большого скачка» в конце 1929 г. — 1930 г.

Пути выхода из кризисной ситуации в экономике были не ясны советскому руководству, и единственным выходом в этой обстановке было обращение к опыту хозяйственной элиты — руководителей главков, трестов и крупных предприятий. *Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности* (30 января — 4 февраля 1931 г.) должна была стать таким каналом передачи информации. В работе конференции, заседавшей в Доме профсоюзов — том самом, где два месяца назад состоялся процесс по делу «Промышленной партии» [Судебный..., 2016], приняли участие более 700 человек. Это были первые лица советского государства, представители ВСНХ, ВЦСПС, руководители крупных предприятий [Davies, 1989. P. 11].

Следует отметить: большинство высказываний представителей директорского корпуса на Конференции носило однозначный характер: критика сталинской инициативы — «Особого квартала» в 1929 г. — квинтэссенции «штурмовых, ударных» методов хозяйствования; указание на широкомасштабный характер выпуска в СССР в 1930 г. бракованной промышленной продукции; признание гигантских размеров текучести рабочих кадров, порождённой тяжёлыми материально-бытовыми условиями жизни [Фельдман, 2021].

Заметим, что основные положения речи Г.К. Орджоникидзе [Первая..., 1931. С. 6–21] во многом совпадали с критическими замечаниями хозяйственников. Так, в частности,

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д, 460. Л. 31.

⁶ Там же. Л. 8–13 об.

Орджоникидзе поддержал тезис о расширении прав директоров предприятий, даже с учётом того, что под этим он прежде всего понимал расширение ответственности руководителей заводов и фабрик, а хозяйственники — легализацию внеплановых экономических операций. Исходя из этого по-разному понимался и острейший для начала 1930-х гг. вопрос о хозрасчёте. Если допустимость материальной ответственности предприятий-поставщиков перед заказчиками не вызывала у Орджоникидзе сомнений, то договорные отношения между предприятиями понимались только в рамках сохранения многочисленных регламентирующих инструкций и ограничений, без упоминания не только элементов рынка в «плановой экономике», но и роли товарно-денежных отношений.

Спустя два месяца после окончания процесса по делу «Промышленной партии» особую значимость имели слова Орджоникидзе о том, что основная масса специалистов не имеет ничего общего с «вредителями».

Анализ выступлений участников Конференции позволял Сталину сделать ряд неприятных выводов: Конференция не привела к росту авторитета «вождя», поскольку *его имя вообще отсутствовало в прениях*, и это был скрытый сигнал руководству страны.

Максимальное использование в советской литературе цитат из речи Сталина на Конференции [*Первая...*, 1931. С. 187–193] позволяло создавать впечатление полной управляемости ходом конференции, прежде всего за счёт приказного характера призывов к выполнению нереальных количественных показателей; к завершению пятилетки в ряде ведущих отраслей в три года (т.е. уже в 1931 г.) и т.д. Знаменитый рефрен генсека о необходимости за десять лет выйти на уровень индустриального развития развитых капиталистических стран указывал на вектор развития, но не на инструменты регулирования.

Фактически, сталинское выступление полностью игнорировало то, о чём говорили на протяжении пяти дней работы Конференции её участники. Генсек был готов к «мягкой» критике отдельных недостатков, но не к правдивой картине провалов в экономике. Тем не менее выступления хозяйственников и, в значительно меньшей степени, тщательно отредактированные резолюции Конференции [*Первая...*, 1931. С. 194–210] были направлены на корректировку экономического курса, а не на его слепую поддержку. Глубина и масштабность кризисных явлений в народном хозяйстве привели к тому, что вопреки ожиданиям советских лидеров, вопреки утверждениям пропаганды, положение дел в экономике СССР за 1-е полугодие 1931 г. стремительно ухудшалось, в том числе и в силу невозможности пополнения валютных ресурсов⁷. Курс на «миниреформы» [*Хлевнюк*, 2010. С. 113–117] требовал не деклараций и незначительных шагов, а решительных действий. Таким образом, проблема кризисного состояния народного хозяйства СССР в глазах советского руководства была обозначена, но масштаб и структура бедствия, комплекс причин, приведших советскую страну на грань экономической катастрофы, как и пути выхода из сложившейся ситуации в начале 1931 г. оставались «покрытыми мраком».

Совещание хозяйственников 22–23 июня 1931 г.

Заметное нарастание кризисных явлений в экономике СССР в первые месяцы 1931 г. усиливалось как ростом внешней задолженности, так и краткосрочностью самих кредитов. Руководство советского государства искало выход из сложившейся ситуации и вновь, как и в январе 1931 г., обратилось к опыту хозяйственной элиты, пригласив 22–23 июня 1931 г. в ЦК ВКП(б) ряд управленцев из предприятий, подотчётных ВСНХ и Наркомату снабже-

⁷ Внешняя задолженность СССР в 1931 г. в 1,5 раза превысила стоимость советского экспорта (подсчитано по: [*Хлевнюк*, 2010. С. 118]).

ния. К сожалению, два тома архивных материалов (РГАСПИ. 17. ОП. 28. Д. 7 и Д.8) не дают информации о количестве, должностях и инициалах приглашённых на Совещание.

22 июня

Открывая работу Совещания, Председатель СНК СССР В.М. Молотов объявил, что представители директорского корпуса приглашены для обмена мнениями в целях обеспечения выполнения плановых задач III квартала 1931 г.⁸

Подчёркнуто локальный характер объявленной повестки не соответствовал последующему признанию Молотова: о явно неудовлетворительных результатах I квартала в работе промышленности. Глава правительства обозначил только две причины такого явления: срыв транспортных перевозок и отсутствие хозрасчётных отношений. Вступительное слово заканчивалось оптимистическим заявлением о том, что ЦК ВКП(б) и СНК приняли все необходимые меры по исправлению ситуации, и во втором полугодии «всё будет по-другому»⁹.

Менее радужным было выступление председателя Госплана СССР В.В. Куйбышева¹⁰, отметившего «очень печальные итоги пяти месяцев, а в конце концов и всего первого полугодия 1931 г.» и указавшего, что ещё только предстоит «вскрыть все недостатки, все недочёты, обнажить положение вещей, с тем, чтобы на основе этого совершенно обнажённого, ясного положения, в котором мы сейчас находимся в данный момент, сделать соответствующие выводы...».

Примечателен был призыв В.В.Куйбышева, обращённый к «красным командирам производства»: «безболезненно вскрыть и безболезненно обрисовать то положение, в котором находимся». Трудно сказать, понимал ли Куйбышев, что этим призывом он открывал «ящик Пандоры»? Что призыв к правдивому изображению дел в экономике СССР в период «Великого перелома» может развеять всю ту мифологию «социалистического строительства», которую настойчиво внедряла коммунистическая пропаганда на всех уровнях?

Следует отметить, что речь Куйбышева, демонстрировала и уровень понимания экономических проблем, характерный для политической элиты СССР: отмечались следствия (плохая организация труда, высокая текучесть рабочих кадров, отсутствие хозрасчёта¹¹), но без указания причин. Насыщение текста речи статистическими данными основывалось только на базе количественных индикаторов, причём в сравнении с предшествующим годом, но не с плановыми показателями.

Но и в таком формате в речи Куйбышева прозвучало признание: в главном шахтёрском бассейне страны — Донбассе — за первые пять месяцев 1931 г. произошло сокращение добычи угля на 4,5% в сравнении с аналогичным периодом 1930 г. Председатель Госплана связал это с сокращением удельного веса кадровых, квалифицированных рабочих со стажем не менее 8 лет с 40% в 1930 г. до 26% в 1931 г. (т. е. за один «ударный» год пятилетки), однако никаких объяснений такого явления не предложил. В ещё большей степени (на 10–20%) сокращение выпуска продукции коснулось лёгкой и пищевой промышленности¹². В этой связи просьба Сталина назвать отрасли, увеличившие выпуск продукции¹³, явно была попыткой разрядить ситуацию.

Немало времени Куйбышев посвятил осуждению уравнительной системы оплаты труда и так называемой «обезличке», но объяснение того, каким образом такая система стала господствующей в СССР после свёртывания нэпа, не прозвучало.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. ОП. 28. Д. 7. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 8–33.

¹¹ Там же. Л. 8–9.

¹² Там же. Л. 11, 13, 19, 20.

¹³ Там же. Л. 21.

Положение в капитальном строительстве, по словам Куйбышева, ухудшалось с каждым месяцем, не позволяя выполнить план 1-го полугодия. Тем удивительнее было завершение его речи заявлением о наличии всех условий для выполнения плана III квартала 1931 г.¹⁴ Правила оформления нужных выводов для советских лидеров с апреля 1929 г. — со времени победы Сталина и его сторонников на Пленуме ЦК ВКП(б) — уже не подлежали сомнению. Тем не менее последние предложения выступления Куйбышева, содержали обращение к хозяйственникам с предложением *совместных* действий по вскрытию недостатков и выработке мероприятий по их преодолению. Впервые за годы первой пятилетки приказной тон сменился призывом к совместным действиям.

Выступления представителей директорского корпуса открыл П.И. Полозков — директор фабрики «Красная Пресня»¹⁵. Традиционно бодрое начало, что задания III квартала 1931 г. будут выполнены, быстро сменилось заявлением об отсутствии хозрасчёта на предприятии. Саркастически прозвучали слова Полозкова: «хозрасчёт у нас витает около кабинетов директоров и медленно спускается в цех». Причина заключалась не в отдельных недостатках, а в результатах кредитной реформы, проведённой в период «Великого перелома»: банковский контроль за возвращением выданных денежных средств отсутствует. Обычным делом для советских промышленных предприятий стали невозврат банкам кредитов и отсутствие платежей за поставленные сырьё и продукцию. Указав на порочность такой практики, Полозков обратился к руководству страны с просьбой кардинально изменить порядок кредитно-денежных отношений.

На пути внедрения хозрасчёта оказались тотальный контроль партийных структур за работой директоров и специалистов и, как следствие, отсутствие реального планирования в цехах и на предприятиях. Без устранения такого контроля хозрасчёт, по утверждению директора фабрики, так и останется декларативным¹⁶.

Предложения Полозкова нашли развитие в выступлении начальника Главэнергопрома ВСНХ СССР И.П. Жукова¹⁷, предложившего ввести существенные штрафные санкции за несвоевременные поставки импортного и отечественного оборудования и бракованных материалов. На данный же день системой стали невыполнение договорных обязательств, приводящие к срыву утверждённых на любом уровне планов.

Сохранение такой системы (отсутствия ответственности за срыв обязательных поставок), подчеркнул управляющий объединением «Союзверфь» И.И. Кондратьев¹⁸, может привести к невыполнению Программ индустриального развития. Если в первые пять месяцев 1931 г. предприятия судостроения получали от четверти до трети положенных поставок металла, то итог очевиден: выполнение плана за указанный период на 20%.

С точки зрения коммунистической пропаганды пассаж Кондратьева о роли и содержании хозрасчёта выглядел безукоризненно: «мы должны выдвинуть такую систему планирования, чтобы каждый цех, каждый мастер, каждая бригада участвовали в планировании; чтобы в этом деле принимали участие живые люди, которые работают на местах». Однако это полностью противоречило принципам командной экономики. Наличие в договорных обязательствах целого ряда оговорок девальвировало смысл хозрасчёта и регулярности поставок, позволяло допускать вольные трактовки «твёрдых» договоров.

Как видно уже по первым выступлениям, руководители промышленных предприятий и всесоюзных объединений смогли уйти от локального формата объявленной повестки. Они подвергли резкой критике практику декларативного, формального хоз-

¹⁴ Там же. Л. 31–32.

¹⁵ Там же. Л. 34–40.

¹⁶ Там же. Л. 38–39.

¹⁷ Там же. Л. 41–44.

¹⁸ Там же. Л. 45–58.

расчёта, пренебрежения к роли денег и товарно-денежных отношений — основ курса «Великого перелома».

Проблема высокой текучести рабочих кадров в 1929–1930 гг. неоднократно отмечалась советскими лидерами. Но, как правило, это увязывалось с притоком в рабочий социум «классово незрелых» малограмотных жителей деревни. На Совецании ряд директоров высказал принципиально иную точку зрения: «крайне плохое снабжение» рабочих не позволяло сохранять рабочие коллективы¹⁹.

Сообщение директора Днепровского металлургического завода имени Ф.Э. Дзержинского И.П. Манаенкова²⁰ об ухудшении и без того тяжёлого материального положения технических специалистов на промышленных предприятиях вызвало удивление Молотова — «ухудшилось?»²¹. Связать пропагандистские штампы о «росте благосостояния советских людей» и реальность оказалось нелёгким делом, но ответ Манаенкова не оставлял недоговорок: «технический персонал чрезвычайно мало получает, и премии которые он получает, его не стимулируют». Без быстрейшего разрешения этой проблемы, заключил Манаенков, «следует ожидать пассивности специалистов».

Успешный ход строительства Магнитки, иных предприятий во многом зависит от наличия квалифицированных рабочих кадров, заявил председатель ЦК союза рабочих промышленного и коммунально-жилищного строительства СССР А.Н. Рябов²². Однако именно здесь существуют большие проблемы: подготовка строителей идёт медленно и небольшими партиями, но куда опаснее отсутствие подготовки эксплуатационных кадров для заводских цехов строящихся гигантов.

Вечернее заседание 22 июня открылось со справки Куйбышева: плановые задания по промышленности первых пяти месяцев 1931 г. были выполнены не на 78,9, а на 80,9%²³. Заметим, что столь подчёркнутое внимание к количественному показателю явно не соответствовало содержанию предшествующих выступлений.

Характерно, что на это уточнение отреагировал, (но своеобразно), только Саватьев, представляющий спиртовую промышленность. По его словам, выполнение спиртовыми заводами плановых обязательств сократилось с 85% в 1930 г. до 67% за первые пять месяцев 1931 г. Во многом это объяснялось отсутствием новых предприятий и необходимых плановых ремонтных работ²⁴.

Выступление управляющего трестом Востоксталь²⁵ Я.П. Иванченко²⁶ привлекло особое внимание: положение с недопоставками металла, его низким качеством прочно вошло в разряд наиболее обсуждаемых в управленческом корпусе в 1-м полугодии 1931 г. Управляющий трестом не обманул ожиданий, самокритично отозвавшись о своей работе, степени выполнения плановых заданий (64% за первые пять месяцев 1931 г.). Но далее Иванченко привёл целый ряд факторов, приведших к такому результату. Коллапс транспорта обусловил срывы поставок руды и угля, иного сырья. Были сорваны и поставки импортного оборудования на стройки металлургических заводов. Однако наиболее острой оказалась кадровая проблема. При наличии в тресте 53 тыс. рабочих не хватало 28 тыс. рабочих рук, или трети работников. Ещё более острой была нехватка специалистов: среди

¹⁹ Там же. Л. 78, 81.

²⁰ Там же. Л. 68–80.

²¹ Там же. Л. 80.

²² Там же. Л. 81–90.

²³ Там же. Л. 91.

²⁴ Там же. Л. 92–102.

²⁵ Трест Востоксталь, образованный в сентябре 1930 г., объединял действующие предприятия металлургической, железорудной, марганцевой промышленности восточных районов СССР, а также строительства новых заводов.

²⁶ Там же. Л. 102–111.

трех тысяч лиц, занимавших должности инженерно-технических работников, почти $\frac{2}{3}$ (1900) не имели специального образования. Высшее техническое образование имели только 11% хозяйственников (338 человек)²⁷.

Иванченко дипломатично умолчал о причинах нехватки специалистов, в частности о масштабных репрессиях против «старых» специалистов. Однако, с учётом недавнего процесса над вымышленной «Промпартией», это был секрет Полишинеля. О масштабе дефицита специалистов говорил и такой факт — на предприятиях «Востокстали», по оценке Иванченко, фактически отсутствовали дипломированные плановики. В силу указанных причин доминировало и низкое качество планирования, отсутствовал хозрасчёт.

Раскрыть причины нехватки рабочих, освещаемые и в официальной прессе, было безопаснее: низкая и обезличенная оплата труда; питание, не соответствующее нормам; нехватка жилья даже барачного типа. Высокая текучесть кадров срывала все планы производственно-технической подготовки, — так завершил свою речь управляющий трестом.

Уровень квалификации руководителя во многом определяется умением видеть и предлагать пути решения проблем. Однако выступление Иванченко ограничилось призывом к преодолению трудностей, обещанием ввести сдельную оплату труда не только на одном Нижнетагильском заводе и «заставить рабочих выполнить производственные программы». Тем не менее выполнение планов III квартала и всего 2-го полугодия директор «Востокстали» обещал только в том случае, «если помогут с кадрами» и будет устранена «катастрофа в горнорудной промышленности»²⁸.

Как видно, на вечернем заседании Совещания цепь *безоговорочных* обещаний выполнения планов III квартала и всего 2-го полугодия завершилась.

Озвученная в выступлениях хозяйственников ситуация с планированием, управлением и обеспеченностью кадров была удручающей, далёкой от победных реляций об успехах пятилетки. Драматизм положения усиливался тем, что всё это проходило в присутствии работников аппарата ЦК ВКП(б), членов Политбюро ЦК и лично Сталина. Становилось понятно: резолюции Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности не смогли изменить положение дел в экономике. Более того, итоги первых пяти месяцев 1931 г. свидетельствовали о нарастании негативных тенденций.

Трудно сказать, было ли выступление Орджоникидзе²⁹ внеплановым или стояло в повестке дня. Всё содержание речи, её очевидная затянутасть, повышенная эмоциональность склоняют к первому варианту. Поддержав формально идеи доклада Куйбышева, Орджоникидзе назвал «пустяками» приведённое Председателем Госплана различие количественных показателей выполнения плана.

Подтверждая отсутствие хозрасчёта на предприятиях, председатель ВСНХ сообщил, что в условиях острого дефицита металла во II квартале ему лично приходилось распределять металл между предприятиями. Это был далеко не единичный случай подключения членов Политбюро для продвижения плановых поставок: так, за своевременное снабжение оборудованием Сталинградского тракторного завода отвечали Сталин и Молотов, пытаясь личным влиянием и энергией восполнить отсутствие рыночных связей.

Стремясь сгладить впечатление от выступлений хозяйственников в первый день Совещания, Орджоникидзе сообщил, что «в 1931 г. мы ввели хозрасчёт» и банки стали контролировать движение денежных средств. Однако тут же председатель ВСНХ объявил, что на предприятиях нет оборотных средств, а без них не может быть хозрасчёта. Но и этот вопрос не должен был казаться тупиковым, поскольку ЦК ВКП(б) поручил СНК СССР разработать нормативные документы о создании на предприятиях фондов оборотных средств.

²⁷ Там же. Л. 104–105.

²⁸ Там же. Л. 111.

²⁹ Там же. Л. 112–142.

Переместив хозрасчёт из разряда реального в категорию потенциального, председатель ВСНХ на большом количестве примеров работы передовых заводов стремился доказать, что в любой ситуации можно и нужно бороться за выполнение плана. В заключение своей речи Орджоникидзе резко оценил аресты старых специалистов: недопустимо «чихом признавать людей вредителями»; недопустимо чтобы «милиционер являлся хозяином предприятия». Приподнятой была и концовка выступления: Орджоникидзе призвал «бешено, зверски драться за выполнение плановых заданий». Эмоциональные выступления всегда хорошо принимались в большевистской среде: «бурные, продолжительные аплодисменты» проводили Орджоникидзе.

Выдержать такую планку обмена мнениями было по плечу далеко не каждому, и последующий оратор — И.А. Адамович, председатель Сахаротреста СССР, заявив, что прозвучавшие выступления членов Политбюро «полностью раскрыли все вопросы»³⁰, насытив свою речь общими словами и шутками, охотно принимаемыми участниками Совещания.

Разрядка напряжения была, однако, недолгой. Уже в выступлении наркома труда СССР А.М. Цихона³¹ было заявлено, что шельщина не работает, не мотивирует, и не может мотивировать рабочих, поскольку «рабочий даже не знает, за что он работает». Если одно утверждение Цихона (работа ударных бригад постоянно блокируется простоями из-за неритмичных поставок, нехватки необходимых инструментов и оборудования) наносило удар по мифу «ударничества», то другое (из-за неудовлетворительного планирования в бригадах отсутствует хозрасчёт) разрушало продолжение этого мифа — пропаганду движения хозрасчётных бригад.

Мысль об отсутствии хозрасчёта на предприятиях была усилена С.М. Ганьшиным — председателем правления Всесоюзного объединения «Союзнефть» («это на словах — хозрасчёт, на бумаге, а не на деле»), связавшим отсутствие хозрасчёта с низкой трудовой дисциплиной и большим числом аварий на производстве³².

Градус «обмена мнений» заметно вырос, когда М.А. Грановский — председатель правления строительства гиганта химической промышленности — Березниковского химкомбината — уже в начале своей речи³³ заявил, что в реальной жизни прослеживается не та картина, которую рисовали на Совещании выступления Куйбышева и Орджоникидзе. Развивая свою мысль и подтвердив отсутствие хозрасчёта на предприятиях, Грановский достаточно резко проговорил: «я рад, что сегодня товарищи Куйбышев и Орджоникидзе отказались оперировать теми дутыми цифрами, которые у нас практиковались (!). Ни к чёрту не годится такая отчётность, ибо она только вводит всех нас в заблуждение». Такая оценка ставки на количественные показатели на встречах руководителей партии и хозяйственников ещё не звучала.

Кратковременность воздействия командных методов управления была проиллюстрирована Грановским на примере постановления бюро Уральского обкома ВКП(б): Уральскому цементному заводу было поручено в 24 часа обеспечить строительство химкомбината цементом, а на практике цемент поступал всего несколько дней). Волонтаризм же указанных методов, например, произвольное срезание запланированных ранее капиталовложений на завершение строительства Березниковского химкомбината (нужно было 50 млн руб., пообещали 30, дали 19 млн руб.), закономерно вёл к понижению качества монтажных работ.

³⁰ Там же. Л. 142.

³¹ Там же. Л. 157–165.

³² Там же. Л. 171.

³³ Там же. Л. 177–189.

Было от чего Молотову завершить вечернее заседание 22 июня, отложив выступления ряда записавшихся хозяйственников. Примечательна была и оговорка Молотова — «планировали ограничиться только утренним заседанием»³⁴. У директорского корпуса оказалось иное мнение.

23 июня

Второй день работы Совещания открылся выступлением Свердлова³⁵, представлявшего предприятия пищевой промышленности³⁶. Самокритичное заявление — план пяти месяцев 1931 г. по выпуску консервов был выполнен только на 62% — было аргументировано весьма распространёнными объяснениями: транспортным коллапсом и отсутствием в полном объёме нужного металла для консервных банок. По свидетельству Свердлова, не помогло даже личное вмешательство Сталина и Микояна и специальное решение Политбюро ЦК ВКП(б) с требованием отпуска 100 т олова. Но даже после этого предприятиями было получено 25% положенного металла. Так, в 1-м полугодии должны были получить 22,5 т белой жести для изготовления консервных банок, а получили всего 5 т. В результате из-за недопоставок не работал три месяца флагман консервного производства — Лысьвенский завод.

Невозможность за счёт государства обеспечить своевременные поставки сырья заставила создать вокруг предприятий пищевой промышленности «зелёную зону» — сеть огородных хозяйств на площади 125 тыс. га. Получение с подсобных хозяйств 300 тыс. т овощей поможет решить сырьевую проблему, оптимистично завершил Свердлов.

Оптимизм в большевистской среде ценился высоко, но показать незначай ограниченность возможности властных рычагов «вождя мирового пролетариата», первого лица Советского государства, руководителя Политбюро ЦК ВКП(б), да ещё публично, было подобно раскату грома.

Однако упомянутый раскат был только началом бури. Выступление руководителя финансового ведомства всегда приковывает внимание. Речь наркома финансов СССР Г.Ф. Гринько³⁷ началась с оценок финансовой сферы страны в 1-м полугодии 1931 г. За этот период вместо 18 в бюджет поступило 15,5 млрд руб., причём наибольшие потери вызвала низкая рентабельность промышленных предприятий.

Дипломатично оговорившись (принятые в первые месяцы 1931 г. соответствующие Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР должны были в перспективе изменить к лучшему положение дел в финансовой сфере), нарком сообщил о неотложных мерах: «... для покрытия наших грехов (!), наших прорывов в обобществлённом секторе (мы) вынуждены были апеллировать с новыми требованиями к массам населения...». Отметим, что сокращение расходов на социальные нужды для покрытия грехов — неожиданный эвфемизм в речи наркома финансов СССР.

Сложнее обстояло дело с себестоимостью продукции. Как отметил Гринько, несмотря на принятые в апреле 1931г. поправки к кредитной реформе, которые должны были положить конец бесконтрольному расходованию денег, автоматизм кредитования продолжается, хотя и в меньших размерах. В результате не сокращалась, а росла себестоимость выпущенной продукции.

Второй раз на утреннем заседании 23 июня 1931 г. прозвучал тезис, в косвенной форме констатирующий неспособность Постановлений ЦК ВКП(б) и СНК, личного обращения первых лиц государства изменить сложившуюся систему управления.

³⁴ Там же. Л. 189.

³⁵ Как было отмечено выше, в стенограмме отсутствуют инициалы выступающих. Инициалы Свердлова установить не удалось.

³⁶ Там же. Д, 8. Л. 1–9.

³⁷ Там же. Д, 8. Л. 10–32.

Но вера в магическую мощь нормативно-правовых рычагов не покидала советских управленцев, и сообщение Гринько о принятии «не сегодня — завтра» Постановления Совета Труда и Оборона о реформировании договорных отношений между предприятиями, способного кардинально изменить положение дел в экономике, было встречено участниками Совещания спокойно и с удовлетворением. То, о чём говорил нарком финансов — для ликвидации автоматического кредитования предприятия должны были получить право «отказаться от поставок неаккуратному плательщику того количества товаров, которое ему намечено», — казалось, может быть реализовано в приказном порядке. Вопрос: как будет работать ожидаемое Постановление в условиях тотального дефицита и упора на количественные показатели, на Совещании не прозвучал.

Как сообщил Гринько, новацией июня 1931 г. стала директива Политбюро, оформленная в виде закона, об «увеличении процента от величины прибыли в распоряжении объединения или предприятия». В принципе, это были «собственные дополнительные оборотные средства объединений или предприятий для эксплуатации и капитального строительства». Однако, подчеркнул нарком, для этого необходим был «переход на бездотационный режим работы»³⁸. Заметим — это было недостижимо в первой половине 1930-х гг.

Эзопов язык на Совещании был не чужд не только докладчикам, но и слушателям. Прямой вопрос к Гринько о праве предприятия распоряжаться своими собственными оборотными средствами был озвучен в такой форме: «расскажите о характеристике природы оборотных средств». Ответ был достоин вопроса: «новый закон позволит каждому объединению более вольготно использовать собственные оборотные средства»³⁹. Как видно, в разъяснении наркома финансов выпали слова «предприятие» и «распоряжаться». Реальное управление оборотными средствами продолжало оставаться объектом компромиссных соглашений между наркоматами, объединениями и предприятиями.

Невозможность называть вещи своими именами обусловила тот факт, что вместо слов «товарно-денежные отношения» (в «социалистической стране!») Гринько активно использовал слово «товарооборот». Но именно критика наркомом «товарооборота, основанного на распределении, постановка задачи самостоятельного ведения субъектами производства финансовых операций (в тексте — «делания денег») позволяла искать варианты, отличные от командно-административного стиля управления. Не случайно, в этой части выступления нарком подробно остановился на роли кустарной промышленности в снабжении рынка товарами первой необходимости.

Казалось, утром 23 июня 1931 г. отдельно взятые представители хозяйственной и партийно-государственной элит заговорили на одном языке. Выступление управляющего трестом «Артёмуголь» К.А. Румянцева⁴⁰, однако, показало степень напряжения на Совещании. Если традиционные жалобы на плохое снабжение, срыв поставок оборудования были выслушаны членами Политбюро ЦК ВКП(б) спокойно, то приведённые Румянцевым данные о масштабе арестов инженеров в Донбассе («нужно привести... ужасающую цифру — 50% инженеров (региона) состоят на принудительных работах (на срок) от восьми лет до одного года) вызвали изумление Молотова: «сколько вы говорите процентов?»⁴¹.

В сочетании с указанием на отсутствие у арестованных антисоветских побуждений («взяты за технические неполадки, завал лавы», и т.п.) вывод Румянцева о невозможности требовать добросовестного руководства механизацией работ в шахтах от арестованных специалистов завершился заявлением управляющего трестом о невыполнимости плана

³⁸ Там же. Л. 22–23.

³⁹ Там же. Л. 22–23.

⁴⁰ Там же. Л. 38–56.

⁴¹ Там же. Л. 38.

пуска в 1931 г. новых шахт именно из-за отсутствия квалифицированных кадров и плохого снабжения. Первоначально ряд членов Политбюро ЦК ВКП(б) (Микоян, Куйбышев, Орджоникидзе) подвергли критике Румянцева за паникёрские настроения — «проблемы со снабжением есть у всех!»). Затем работа Румянцева и его аппарата была названа «никудашной и позорной»⁴². Однако проблема нехватки и незаменимости специалистов предстала во всей остроте, а обоснованность их арестов поставлена под сомнение. Примечательна и спокойная реакция Сталина на кипение страстей в ходе выступления Румянцева: генсек только спросил Румянцева о качестве отечественных врубовых машин и запасных частей к ним и «удовлетворился» полученным ответом: «низкое»⁴³.

Официальный ответ на жалобы критикующих уровень и качество снабжения был дан в выступлении руководителя Наркомата снабжения А.И. Микояна⁴⁴: соответствующие нормы и планы поставок выполняются полностью и в срок. Ответственность за низкий уровень норм была возложена на самих хозяйственников, не занимавшихся, по утверждению наркома, этой проблемой. Микоян признал, что 50 ударных строек снабжаются по «особой статье», но это решение не подлежало обсуждению.

Последующее выступление директора строительства Магнитогорского металлургического комбината (трест «Магнитострой») Я.С. Гугеля⁴⁵ было выстроено с очевидной целью: смягчить возникшее напряжение. Проблемы Магнитки были сведены исключительно к нехватке импортного кирпича. Положительно (но без анализа статистических данных) оценив деятельность ударных хозрасчётных бригад на строительстве комбината, Гугель отметил только излишнюю численность отдельных бригад. Оптимизм обязательства Гугеля — соблюдать сроки всех этапов строительства — причудливым образом сочетался с указанием на высокие риски монтажа доменных печей.

Но оптимистические нотки недолго звучали на Совещании. Уже следующее вступление — секретаря ЦК ВКП(б) П.П. Постышева⁴⁶ — было насыщено критическими, тревожными нотками. Постышев фактически поддержал основные положения речи Румянцева, заметив, что, во-первых, существующая в стране система организации труда — слабое звено, не просто тормозящее работу во всех областях и краях, но «временами убийственное». Повсеместно сдельщина носила фиктивный характер и не стимулировала труд работников. Судя по ряду заводов, близки были размеры оплаты рабочего времени и периодов простоев. Создаваемые в административном порядке ударные хозрасчётные бригады показывали свою неэффективность и не пользовались доверием рабочих. По оценке секретаря ЦК ВКП(б), формальный характер носила и система коллективных договоров.

Исправить ситуацию с «отвратительной организацией труда» должна была специальная комиссия. Итог этой части речи секретаря ЦК ВКП(б) был весьма однозначным: «заинтересованности рабочего в результатах своего труда нет». И, как подчеркнул Постышев, это не локальное явление, а характерное для многих заводов. В устах секретаря ЦК ВКП(б), ответственного за пропаганду и агитацию, фактически это означало девальвацию официальной громкой шумихи вокруг движения ударных бригад.

Во-вторых, Постышев ещё более заострил внимание на теме положения специалистов. Обращаясь к присутствующим, секретарь ЦК ВКП(б) произнёс немыслимые ещё совсем недавно слова: «если вы не сумеете своих инженеров защитить от всяких демагогов и провокаторов, если не сумеете сломить у рабочих настроение, которое у нас было в своё время законным, ... — не будет выполнен план третьего квартала 1931 г.»⁴⁷. Время «вреди-

⁴² Там же. Л. 52.

⁴³ Там же. Л. 50.

⁴⁴ Там же. Л. 57–72.

⁴⁵ Там же. Л. 73–92.

⁴⁶ Там же. Л. 93–103.

⁴⁷ Там же. Л. 100.

тельства» старых специалистов прошло, подчеркнул Постышев, а примеров травли инженеров на местах предостаточно. Между тем инженерно-технические работники должны быть под защитой партии⁴⁸.

Секретарь ЦК ВКП(б) не стал прямо оспаривать официальный тезис о широком распространении вредительства в среде «старых специалистов», на котором были построены надуманные, сфальсифицированные «Шахтинское дело» и процесс «Промпартии». Но указание на наличие в советском обществе «демагогов и провокаторов», способных к нарушению прав специалистов, высвечивало и служебное положение последних.

Можно предполагать, что впечатление от речи Постышева было немалое, если верный сталинец, Председатель ВЦСПС Н.М. Шверник весьма сдержанно вступился за столь критическую оценку распропагандированной деятельности ударных хозрасчётных бригад, лишь отметив большой потенциал многих ударных бригад. В то же время Шверник поддержал Постышева в оценке формальности действующей сдельной оплаты труда. Здоровые мысли о недопустимости произвольной замены рамок норм выработки; о возможности введения неограниченности выплат в рамках сдельщины были озвучены со ссылкой на предложения рабочих⁴⁹. Однако безусловная преданность Сталину требовала вполне определённых шагов, и Шверник оказался одним из тех немногих участников Совещания, кто от имени членов профсоюзов безоговорочно пообещал выполнить план III квартала 1931 г.

Иные оценки прозвучали в выступлении начальника Главного управления машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности ВСНХ СССР А.Ф. Толоконцева⁵⁰. Уже самое начало речи не оставляло никаких недоговорённостей: «Если посмотреть на выполнение первого квартала..., то у нас такого положения дел никогда не было». Как подчеркнул руководитель главка, в экономике в 1-м полугодии 1931 г. произошёл не только спад промышленного производства, но и снижение качественных показателей. Более того, в истекшие пять месяцев произошло ещё одно неприятное событие: существенная задержка выплаты заработной платы рабочим.

Указав на прямую связь между преобладанием неквалифицированных рабочих и низким качеством продукции, Толоконцев отметил, что четыре года назад (т.е. в период нэпа) уровень развития хозрасчёта и сдельщины был выше и лучше⁵¹. Нечастым явлением в 1930-е гг. была похвала нэпу!

На долю Молотова выпала нелёгкая участь — подвести по горячим следам предварительные итоги всех сообщений до выступления Сталина, на мнение которого привык ориентироваться Молотов. Текст выступления председателя СНК СССР⁵² отражает раздумья главы правительства (показательна первая фраза выступления: «разрешите мне коротко остановиться, на том, что здесь было»). Далее Молотов выразил согласие со многими выводами, прозвучавшими на Совещании. Были подтверждены неудовлетворительные оценки, данные хозяйственниками итогам 1-го полугодия 1931 г., признание неэффективности системы организации труда и заработной платы, фиксация отсутствия хозрасчёта, ряд других негативных моментов. Однако вся вина за подобные явления Молотовым была возложена на самих хозяйственников и на профсоюзы.

Согласившись с доводом Румянцева о разрушительном характере изъятия органами ОГПУ 50% специалистов в угольной промышленности Донбасса, Молотов в то же время «не заметил» другой тезис Румянцева: о необоснованном аресте инженеров и техников.

⁴⁸ Там же. Л. 103–104.

⁴⁹ Там же. Л. 107, 113.

⁵⁰ Там же. Л. 140–153.

⁵¹ Там же. Л. 143.

⁵² Там же. Л. 154–171.

Вывод Молотова был сдержанно-оптимистичен: есть все основания надеяться на успешное выполнение плана 3-го квартала и всего 2-го полугодия 1931 г. Залогом для такого вывода глава правительства назвал «бодрое, уверенное, единодушное отношение» участников Совещания к поставленным партией задачам.

Заключительное слово на Совещании было предоставлено Сталину⁵³.

Два дня Сталин вслушивался в сообщения хозяйственников и партийных работников. Картина происходящего в экономике СССР не вызывала сомнений: кризисные явления шли по нарастающей. Недовольство присутствующих на Совещании временами вырывалось в довольно негативные сентенции. Никто не подвергал критике лично Сталина, не подвергал сомнению курс «Великого перелома», но критические оценки были даны многим компонентам экономической и социальной политики периода осени 1929–1930 гг. Итоги 1-го полугодия 1931 г. не оставляли у Сталина сомнений: повторить манёвр начала февраля 1931 г. — принять резолюции Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, предусматривающие рациональные перемены, и продолжать прежний курс уже не получится.

Максимально смягчив оценки ситуации в экономике, объясняя деструктивные явления первых месяцев 1931 г. «железнодорожной катастрофой, кризисом железнодорожного хозяйства»⁵⁴ и возлагая вину за плохую организацию труда и заработной платы на хозяйственников и профсоюзы, Сталин попытался снизить остроту обсуждения на Совещании. Заявив о масштабном вредительстве старых специалистов в отраслях советской экономики в 1928–1929 гг. (по произвольной оценке Сталина, в указанные годы половина интеллигенции враждебно относилась к советской власти⁵⁵), генсек сообщил о мифических успехах социалистического строительства в 1930 г., после которых специалисты «изменили своё отношение к советской власти и приступили к сотрудничеству с ней»⁵⁶. Аналогично переместив годы разрухи снабжения в период нэпа (1928 г.), Сталин связал высокую текучесть рабочих кадров не с трагическими последствиями коллективизации, а с возможностью широкого выбора у работников лучших материальных условий в городах и рабочих посёлках⁵⁷.

Обобщив сказанное хозяйственниками на Совещании, Сталин в тезисном порядке, *от своего имени*, представил их аудитории. Однако одновременно прозвучала и угроза вождя: план второго полугодия должен быть выполнен любым путём. Высокие темпы роста для Сталина оставались незыблемой величиной, однако реальность требовала применения более взвешенных методов.

В отличие от Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, на Совещании не были приняты итоговые резолюции, и тезисы выступления Сталина (получившие известность как «шесть условий товарища Сталина», вскоре после Совещания вышедшие отдельной брошюрой⁵⁸, неоднократно переиздаваемой в центральных и региональных издательствах), превратились в директивный документ политического характера.

Содержание тезисов (организованно набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами; механизировать труд; ликвидировать текучесть рабочей силы, уничтожить уравниловку, правильно организовать зарплату, улучшить бытовые условия рабочих; ликвидировать обезличку, улучшить организацию труда, правильно расставить силы на предприятии; добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная произ-

⁵³ Там же. Л. 172–204.

⁵⁴ Там же. Л. 205.

⁵⁵ Там же. Л. 190.

⁵⁶ Там же. Л. 188–190.

⁵⁷ Там же. Л. 174–176.

⁵⁸ Шесть исторических условий т. Сталина. — М., 1932.

водственно-техническая интеллигенция; изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания; укреплять хозрасчёт, поднять внутрипромышленное накопление) позволяет говорить о существенном учёте Сталиным суждений и требований выступавших на Совещании.

Уже первые месяцы после Совещания показали решимость власти осуществить меры, намеченные на Совещании. Выделим перестройку системы оплаты труда рабочих, предполагавшую активизацию материальных стимулов и отказ от уравнилельных форм заработной платы в пользу сдельщины. 10 июля 1931 г. Политбюро одобрило два постановления, которые существенно меняли положение специалистов и в какой-то мере ограничивали права ОГПУ. В первом постановлении ОГПУ лишалось права на аресты специалистов (инженерно-технический персонал, военные, агрономы, врачи и т.п.) без согласия соответствующего наркома (союзного или республиканского). Второе постановление под названием «О работе технического персонала на предприятиях и об улучшении его материального положения» содержало развёрнутую программу юридической и политической реабилитации специалистов [Хлевнюк, 2010. С. 88]. Сложность реализации этих мероприятий [Илюхов, 2010. С. 224, 228, 229] не меняла главного: создавались условия для стабилизации в экономике и социальной сфере.

Сталина нельзя назвать «инициатором нового, более рационального экономического курса» [Такер, 2013. С. 140–141], но поддержка им мероприятий такого курса означала начало реальных изменений экономической политики. Достигнутое на Совещании определённое совпадение взглядов представителей политической и хозяйственной элит, позволяло выйти из кризиса в экономике СССР. В этом главное значение событий, проходивших в аппарате ЦК ВКП(б) 22–23 июня 1931 г.

Завеса полной, многолетней секретности над Совещанием объяснялась тем, что представленная в выступлениях управленцев картина состояния экономики разрушала пропагандистские клише о ходе Первой пятилетки. Не менее важно и то, что материалы Совещания подтверждали правоту доводов хозяйственников, правоту курса на соблюдение рациональных принципов регулирования экономики. В определённой степени это было возвращение к опыту нэпа, к опыту наработок первоначальных вариантов Первого пятилетнего плана.

Не случайно похвальное слово нэпу прозвучало на Совещании в выступлении Толоконцева, а несколько ранее, 3 февраля 1931 г., на предпоследнем заседании Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, подобную же оценку нэпу дал в своём выступлении и Молотов: «новая экономическая политика создала предпосылки для мощного подъема социалистической индустрии. Развёртывание нашей промышленности происходило на основе нэпа, в условиях широкого товарооборота» [Первая..., 1931. С. 168].

Как представляется, именно с Совещания 22–23 июня 1931 г. следует отсчитывать реальное начало периода более рационального социально-экономического курса, получившего название «миниреформ», тогда как итоги Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 г. и Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности являлись только предпосылками к этому.

Однако, как и любое действие, носящее вынужденный характер, принятое в критической ситуации, сталинский манёвр носил временный характер, имел свою логику развития и зависел от успехов индустриализации и отсутствия барьеров на пути к установлению единоличной власти.

Цепь совещаний хозяйственников, начатых в январе и в июне 1931 г., была продолжена в сентябре 1934 г., мае 1935 г., июне 1936 г. [Совещание..., 1934; Совет..., 1935; Совет..., 1936], проложила дорогу: учёту мнения специалистов; ставке на бездефицитную работу предприятий; программе обязательного технического обучения рабочих; принятию

масштабных социальных программ; выдвижению задачи приоритета качественных показателей [Фельдман, 2022]. Успехи советской экономики в период 1931–1936 гг. подтверждали правильность такого выбора.

Вместе с тем диалог хозяйственной и политической элит на протяжении указанного периода фиксировал нарастающую степень прозрения хозяйственников в отношении многих мифов официальной пропаганды, глубину расхождения подходов к осуществлению экономической политики у хозяйственной элиты и политического руководства Советского государства.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- «Великий перелом» и его последствия: Материалы XII Международн. научн. конф., Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. (2020). [*The Great Turning Point» and its consequences: Proceedings of the XII International Scientific Conference, Yekaterinburg, September 26–28, 2019 (2020)*]. — М.: РОССПЭН.
- Ильюхов А.А. (2010). *Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг.* [Ilyukhov A.A. (2010). *How the Bolsheviks paid. The policy of the Soviet government in the field of wages in 1917–1941*]. — М.: РОССПЭН.
- Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности: Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931 г. (1931). [*The First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry. Verbatim report 30.01–05.02.1931 (1931)*]. — М.-Л.: Огиз-Гос. соц.-экон. изд-во.
- Совещание руководящих работников тяжёлой промышленности 20–22 сентября 1934 г. (1935). [*Meeting of the Leading Workers of Heavy Industry on September 20–22.09.1934. (1935). Verbatim report*]. — М.-Л.: ОНТИ НКТП.
- Совет при народном комиссаре тяжёлой промышленности Союза ССР. Первый Пленум. (1935). [*Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR. First Plenum (1935)*]. — М.-Л.: ОНТИ НКТП.
- Совет при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР. Второй Пленум. 25–29 июня 1936 г. (1936). [*Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR. June 25–29, 1936. (1936)*]. — М.-Л.: ОНТИ НКТП.
- Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги (2016). В 2 т. Т. 1. / отв. ред. С.А. Красильников. [*The Trial of the «Industrial Party» in 1930: Reparation, Conduct, Results (2016): In 2 vol. Vol. 1 / S.A. Krasilnikov (ed.)*]. — М.: РОССПЭН.
- Тейкер Р. (2013). *Сталин — диктатор. У власти. 1928–1941 гг.* [Taker R. (2013). *Stalin Is a Dictator. In Power. 1928–1941*]. — М.: Центрполиграф.
- Фельдман М.А. (2021). «Благодаря бесхозяйственному ведению дела принципы хозрасчёта оказались совершенно подорванными» (Новый взгляд на события 1-ой Всесоюзн. конф. раб. соц. пром-ти 30.01–4.02.1931 г.) [Feldman M. (2021). «Due to mismanagement, the principles of self-financing turned out to be completely undermined» (A new look at the events of the First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry on January 30 — February 4, 1931)] // *Экономическая история: Ежегодник. 2020*. — М.: Институт российской истории.
- Фельдман М.А. (2022). Второй пленум Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР: ретроспектива (25–29 июня 1936 г.) [Feldman M. (2022). *The second plenum of the Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR: at retrospective (June 25–29, 1936)*] // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 177–192.
- Фельдман М.А. (2023.) Феномен ударничества в промышленности СССР как составная часть «Великого перелома» [Feldman M. (2023). *The phenomenon of percussion in the industry of the USSR as the USSR as an integral part of the «Great Turning Point»*] // *Гуманитарные науки в Сибири*. Т. 30. № 4. С. 87–98.
- Хлевнюк О.В. *Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры*. (2010). [Khlevnyuk O. (2010). *Owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship*]. — М.: РОССПЭН.
- XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня — 13 июля 1930. (1935). Т. 1. [XVI Congress of the All-Union Communist Party (b) (1935): Verbatim report]. — М.: Партиздат.
- Davies R.W. (1989). *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 3: The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Davies R.W. (1996). *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. — Basingstoke: Macmillan.

Фельдман Михаил Аркадьевич

feldman-mih@yandex.ru

Mikhail Feldman

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Institute of Institute of management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg)

feldman-mih@yandex.ru

**SECRET MEETING IN THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU (B) ON JUNE 22–23, 1931 —
SEARCH THE NEW ECONOMIC COURSE**

Abstract. The article examines one of the most important turning events of the early 1930s — a meeting of business executives of the Supreme Economic Council and the People’s Commissariat of Supply in the Central Committee of the CPSU (b) on the exchange of views between the heads of economic associations of the Supreme Economic Council and the People’s Commissariat (June 22–23, 1931). The semantic load of the Meeting of business Executives was associated with a high degree of secrecy of the event itself. The materials of the Meeting were not published: in June 1931, the main newspaper of the country — the press organ of the CPSU (b), the newspaper Pravda, or any other newspapers did not report on it. The veil of complete, long-term secrecy over the Meeting was explained by the fact that the picture of the state of the economy presented in the speeches of managers destroyed propaganda cliches about the course of the First Five-year Plan. It was equally important that the materials of the Meeting confirmed the correctness of the arguments of business executives; the correctness of the course on compliance with rational principles of economic regulation. To a certain extent, it was a return to the experience of the NEP, to the experience of working out the initial versions of the First Five-year Plan. It was from the Meeting on June 22–23, 1931, that the real beginning of the period of a more rational socio-economic course, called the “mini-reform”, should be counted, whereas the results of the Plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b) in December and the First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry were only prerequisites for this.

Keywords: *meeting, business executives, Central Committee, economics, specialists, workers, self-financing.*

JEL: B24, N44.